

Лазарев. Ф.В.

ЧТО ЗНАЧИТ МЫСЛИТЬ ИНТЕРВАЛЬНО?

В течение нескольких веков философы внушали нам, что человеческое мышление по своей природе объективно, универсально и беспредпосылочно. Великий Декарт был убежден в том, что существует “естественный свет разума”, который позволяет любой мыслящей личности видеть окружающий нас мир вещей в их подлинных контурах и параметрах, ясно и отчетливо постигая самую суть их бытия. Позднее Кант усомнился в том, что “чистый разум” может простираť свое познавательное могущество до любых обозначенных пределов. Кант указал на границу, за пределы которой разум не должен переступать, если он не хочет запутаться в своих собственных противоречиях. Эта граница определена, с одной стороны, природой человеческой субъективности, с другой - характером мироустройства. Это означает, что в познании существуют некие преднаходимые нами предпосылки, определяющие условия деятельности разума.

Гегель с присущим ему глубокомыслием обратил внимание на то, что разум вообще не есть некая данность, он есть, скорее, деятельность, и в зависимости от того, как, с помощью каких орудий и методов он действует, он меняет свой характер. Если мышление протекает безотчетно, без саморефлексии, оно не идет дальше *рассудочного* способа постижения реальности. Последний характеризуется тем, что он дает лишь одностороннее, формальное и ограниченное выражение предмета в мысли. Более того, рассудочные суждения, если на них настаивать и доводить до крайности, вообще превращаются в свою противоположность, отрицая тем самым самих себя. “Я не признаю никаких убеждений”, - говорит тургеневский герой. – “Вы серьезно в это верите?”- “Да, абсолютно”. - “Но вот Вам для начала одно убеждение уже есть”.

Другой пример:

Мир нельзя мыслить рационально, - говорит один философ.

- Вы пришли к такому выводу на основании Ваших размышлений и каких-то аргументов?

- Да, я могу это обосновать.

- Значит, что-то о мире все-таки можно утверждать рационально! И почему эту привилегию Вы присваиваете только себе?

В отличие от мыслителя “рассудочного толка”, *диалектик* настаивает на том, чтобы в процессе познания мышление поднималось на уровень саморефлексии, т.е. подвергало себя исследованию и устанавливало, в какой *степени* оно способно к *познанию истины*. Таким образом, диалектик – это, говоря словами Делеза, особый “концептуальный персонаж” со своей особой познавательной стратегией, состоящей в том, что в познании должны *соединиться* друг с другом *деятельность* форм мышления и их *критика*.

“Они сами подвергают себя исследованию, сами должны определять свои границы и вскрывать свои недостатки. Тогда это будет та деятельность мышления, которую мы рассмотрим особо как *диалектику* и о которой здесь мы должны пока лишь заметить, что мы должны смотреть на нее не как на привнесенную извне в определениях мысли, а как им самим присущую”¹. Специфика диалектического разума состоит в том, что он, имея дело с теми или иными определениями мысли, постоянно отслеживает их ограниченность, вскрывает их переход в свою противоположность и направляет их к диалектическому синтезу, в котором эти противоположности содержатся как идеализированные моменты, т.е. в “снятом виде”. Такую стратегию мысли можно назвать, в противоположность абстрактной рассудочности, диалектикой “конкретного мышления”.

Таким образом, с точки зрения Гегеля, только конкретное мышление ведет к истине, рассудочная же мысль запутывается – рано или поздно – в своих односторонних суждениях, не будучи способной перейти от абстрактного к конкретному и тем самым упуская в конечном счете истину из виду. В своей популярной статье “Кто мыслит абстрактно?” Гегель на живых примерах иллюстрирует свое понимание этой проблемы. “Кто мыслит абстрактно? – Необразованный человек, а вовсе не просвещенный... В основание своей мысли я приведу лишь несколько примеров, на которых каждый сможет убедиться, что дело обстоит именно так. Ведут на казнь убийцу. Для толпы он убийца и только. Дамы, может статься, заметят, что он сильный, красивый, интересный мужчина. Такое замечание возмутит толпу: как так? Убийца красив? Можно ли думать столь дурно, можно ли назвать убийцу – красивым? Сами, небось, не лучше! Это свидетельствует о моральном разложении знати, добавит, быть может, священник, призывший глядеть в глубину вещей и сердец.

Знаток же человеческой души рассмотрит ход событий, сформировавших преступника, обнаружит в его жизни, в его воспитании влияние дурных отношений между его отцом и матерью, увидит, что некогда этот человек был наказан с чрезмерной суровостью, ожесточившей его против гражданского порядка, вынудившей к сопротивлению, которое и привело к тому, что преступление сделалось для него единственным способом самосохранения. Почти наверняка в толпе найдутся люди, которые – доведись им

услышать такие рассуждения – скажут: да он хочет оправдать убийцу! Помню же я, как некий бургомистр жаловался в дни моей юности на писателей, подрывающих основы христианства и правопорядка; один из них даже осмелился оправдывать самоубийство – подумать страшно! Из дальнейших разъяснений выяснилось, что бургомистр имел в виду “Страдания молодого Вертера”.

Это и называется “мыслить абстрактно” – видеть в убийце только одно абстрактное – что он убийца и названием такого качества уничтожить в нем все остальное, что составляет человеческое существо...

- Эй, старуха, ты торгуешь тухлыми яйцами! – говорит покупательница торговке. – Что? – кричит та. – Мои яйца тухлые! Сама ты тухлая! Ты мне смеешь говорить такое про мой товар! Ты! Да не твоего ли отца вши в канаве заели, не твоя ли мать с французами крутила, не твоя ли бабка сдохла в богадельне! Ишь целую простыню на платок извела! Знаем, небось, откуда все эти тряпки да шляпки! Если бы не офицеры, не щеголять тебе в нарядах! Порядочные-то за своим домом следят, а таким – самое место в катажке! Дырки бы на чулках заштопала! – Короче говоря, она и крупницы доброго в обидчице не замечает. Она мыслит абстрактно и все – от шляпки до чулок, с головы до пят, вкуче с папашей и остальной родней – подводит исключительно под то преступление, что та нашла ее яйца тухлыми. Все окрашивается в ее голове в цвет этих яиц, тогда как те офицеры, которых она упоминала, – если они, конечно, и впрямь имеют сюда какое-нибудь отношение, что весьма сомнительно, – наверняка заметили в этой женщине совсем иные детали”.²

Примеры Гегеля показывают, как в самой мыслительной практике людей, в самой культуре, в ментальности общества проявляет себя фигура абстрактного, рассудочного мыслителя, не способного и не желающего выйти за пределы заданной ситуации в своих попытках умственно постигать окружающую реальность. Он в плену у рассудочного подхода, находящегося в столь разительном отличии от диалектической манеры всестороннего взгляда на вещи. Диалектик исходит из того, что мышление – это искусство, которому следует учиться, постигая его внутреннюю структуру и динамику и обеспечивая тем самым приближение к истине. Мышление – не самоданность, оно может вести куда угодно, если мы не предпослали ему цели и средства. Если мы стремимся к объективности, если наша цель – истина, то мы должны отдавать себе отчет в том, как устроен тот мир, который мы намереваемся постигнуть, в частности, мы должны помнить, что мир многокачественен, что у него есть много сторон и граней. Отсюда следует, что делая какое-либо высказывание о предмете мысли, мы не должны застревать на данном определении, должны идти дальше и глубже, видеть другие, включая прямо противоположные, характеристики предмета. Только приняв во внимание противоположные качества вещи, только мысля их в единстве как конкретное целое, как противоречивую систему, мы оказываемся на пути к истине.

Человек, образ мысли которого находится в соответствии с тем или иным типом рефлексии, не просто по-особому видит “общий план реальности”, – у него своя система предпосылок мысли, своя пресуппозиция, свой “настрой” на мышление, свое специфическое, хотя часто запрятанное глубоко в подсознании, отношение к истокам, мотивам и целям мыслительной практики. Речь, конечно, идет о мыслителе как концептуальном персонаже того или иного типа. Так, мыслитель “аналитического склада”, подобно следователю-профессионалу, в самом подходе к миру как к загадочному “шифру” будет дотошно докапываться до любой детали, которая вызвала у него подозрение, будет подвергать “деконструкции”, демистификации любые предлагаемые ему “версии” и построения, уличая их в “интеллектуальном просчете” или в неувязке фактов.

В противоположность такому подходу, соблазнитель как концептуальный персонаж и в истории интеллектуальной культуры, и в жизни мыслит крупными мазками, замысловатыми фигурами, головокружительными сальто-мортале, черными квадратами на белом фоне. Его отличает буйство фантазии, изобретательность, нестандартность, хитроумие. Он – природный дуалист: мысль для него никогда не совпадает с реальностью, она, скорее, запредельна, фантазмагорична, реальность же – проста, прозаична и неотложна. Утонченная фантазия разума соседствует здесь с приземленным реализмом рассудка. Он – человек играющий. Его мысль софистична, легка, соткана из образов и неожиданных комбинаций. Цель здесь – не истина, а актуализация события, которое при всем при том иногда бывает *ближе* к реальности, чем любая самая утонченная истина.

Как и каждый играющий, соблазнитель иногда, увлекшись, сам начинает верить в свою игру. Завлекая другого, он и сам попадает в западню ирреальности. Ведь близость затеваемого им события к реальности – всегда особого свойства. Она амбивалентна, в ней есть неистребимая двухсмысленность и некий пласт непрозрачного. А это легко переходит в ложь, в обворовывание себя и Другого. Наш персонаж строит хрупкие, недолговечные, сомнительные конструкции, рассчитанные на краткость актуализации “здесь” и “теперь”. Он мечтает о яркой вспышке и надеется на везение. Он полагает, что если человек по природе своей есть “машина желаний”, то на такого человека всегда найдется соблазнитель, который сумеет затронуть даже самые потаенные струны души своей жертвы, будет ли это софист со своей мудростью, Дон-Жуан со своей истинной любовью, или рекламный агент со своим непревзойденным по ка-

честву товаром. Важно затронуть за живое, и если наживка проглочена, то не следует терять времени.

Напротив, “мыслитель-конструктор” будет преследовать прежде всего свою главную цель: сконструировать такую мысленную модель, которая бы “работала” с точки зрения некоторых оговоренных критериев. При этом его интересует новизна, надежность, практическая применимость и эффективность того орудия действия или мысли, которое он изобрел.

По сравнению с такой стратегией у *интервального мыслителя* иная пресуппозиция: у него нет настроя на то, чтобы дешифровывать нечто или “изобретать” новые модели, он лишь *открывает* то, что есть в реальности, его привлекают “картины”, а не “конструкции”. Он вопрошает бытие, а не изобретает новую реальность, поэтому он принципиально “неутопичен”, всегда ориентирован на “топос.” Для него важно также верить в то, что мысль не одинока, что она – *продолжение чьей-то предшествующей мысли*, осваивавшей тот же самый мир. Поэтому мысль всегда встроена в некий ряд – исторический, логический, социокультурный и т.п. Интервальная мысль как само себя осознающее мышление полагает, что в культурной истории у мышления всегда есть прецеденты, переключки веков: гелиоцентрической модели Коперника предшествуют догадки Аристарха Самосского, атомная физика предваряется атомизмом Демокрита, химия в своих истоках восходит к учению о гомеомериях Анаксагора и т.д. И чем богаче, масштабнее мысль, тем больше у нее прецедентов и созвучий в прошлом. Но не только в ретроспективе, но и в актуальном плане она чувствует себя лишь “звеном”, органическим элементом, сегментом более широкого целого, более глубокого смысла, более тонкой истины.

Это-то и порождает у интервального разума интеллектуальную жажду по обобщению, продолжению, синтезу. Но в то же время он не приемлет какого бы то ни было “слияния”, ведущего к серой неразличимости, т.е. такого синтеза, в котором исходная мысль утратила бы свою особенность, свой ракурс, поворот, изгиб, оттенок, свою правду наконец, бесследно растворившись в картине целого. В этой связи категорически отвергается и гегелевская модель синтеза как конкретного единства, тождества противоположностей. На смену “синтезу” приходит выстраивание соответствующих конфигураций интервалов. Мир обнаруживает ячеистую, интервальную структуру, распаясь на иерархизированное множество отдельных реалий, актуальных и возможных миров. Соответственно человек понуждается практикой самого познания осваивать *способы многомерного видения реальности*. У разума нет иного пути сохранить себя в своих сущностных определениях (и прежде всего - свою непротиворечивость), как стать многомерным, вобрать в себя принципы интервального постижения мира.

У интервальной мысли два противника – безудержный релятивизм с его непрерывным скольжением по наклонной плоскости (так что нельзя ни на что опереться и ни за что уцепиться) и *догматизм* с его “прокрустовым ложем”, насильственно загоняющим мысль в жесткие рамки. Интервальная мысль не желает быть каким-то обруском, она хочет быть не больше, но и не меньше, чем она есть сама по себе. Она хочет соответствовать своему собственному масштабу, своему подлинному, задаваемому структурой самой реальности интервалу однозначной применимости. Пространство ее истинности предзадано бытием, хотя его конфигурация и может меняться вслед за изменениями и бифуркациями в самом бытии и в соответствии с ритмами актуализации виртуального.

Интервальная мысль непреклонна в отстаивании своих “законных границ”, ибо убеждена, что ее уникальность, новизна и уместность абсолютны, - хотя и лишь в свое время и в своем месте. Это не мешает ей быть отзывчивой, чуткой к мысли Другого, вслушиваться в чужую истину, ища в ней параллели, созвучия и соответствия. В силу того, что мы живем в одном целостном мире, любая “чужая мысль”, если она независима в своей нацеленности на истину, не может не содержать в себе “рационального зерна”, некой переключки с нами, неких общих инвариантов. Поэтому интервальный персонаж ничего не отбрасывает с порога, у него нет предвзятости, предубежденности, априорной антипатии к мысли Постороннего. Напротив, - он доверчив, наивен и “всечеловечен”. Порой он даже тоскует по *диалогу* с Другим, он – самозабвенный спорщик в отстаивании своей истины, готовый все же в любой момент признать правоту другой стороны, если сама диалектика спора убедит его в этом. Его любовь к обмену мнениями, к обсуждению противоположных точек зрения, возможно, проистекает из того, что диалог для него – родная стихия, путь (“дао”), форма сомореализации мысли.

Чуткость и “всемирная отзывчивость” интервального мыслителя вовсе не означает, что в споре он готов искать истину где-то “посередине”; подобно тому, как нельзя совместить панорамы, открывающиеся с двух разных вершин, в одной картине, так и не имеет смысла объединять разные точки зрения. Ничего, кроме путаницы, из этого не получится. Однако важно другое: во многих случаях можно выявить *способы перехода* от одной системы суждения к другой, технологии “состыковки” позиций.

Любовь к диалогизму здесь все же относительна: в конце концов, интервальная мысль чувствует себя самодостаточной. И когда она протягивает руку любой другой, посторонней мысли, она желает видеть в ней Друга, искателя истины, взыскующего “предустановленной гармонии”, но друга, который в своем ответном движении не терял бы свою самость, свою “инакость”, свой способ видения мира, а лишь об-

наруживал бы вкус к поиску взаимоприемлемых конфигураций истины. Мысль *в интервале*, как у себя дома: ее никто не сужает и не обобщает, никто не притесняет и не атакует, ее охраняют законы симметрии и пределов. Поэтому для нее важен дом, “своя территория”, сфера, в которой бы она выражала только то, что она выражает в качестве ничем не замутненной идеи. Это такой дом мысли, в которой “стол” есть только стол и ничто другое – не дерево, не собственность, не площадка для клоуна; а “книга” есть только книга, а не бумага, не эстетическая ценность, не физическое тело; а часы есть только прибор для измерения времени, но не предмет для бросаний, не товар и не историческая вещь.

Мысль *в интервале* позволяет себе вести себя так, потому что ей позволено, и не мыслителем, а кодексом мироустройства; потому что и вещь, о которой помыслено, – так рассуждает интервальный персонаж, – попадая в “свой интервал”, ведет себя таким же образом, т.е. не как вещь со всеми своими свойствами, а как “абстрактная вещь”, как эмпирическое восполнение чистой идеи, как частная актуализация бесконечно сложной и многомерной “в себе” виртуальности. Это материальное восполнение идей, впрочем, никогда не бывает абсолютно точным и полным, всегда возможен некий, еле уловимый “зазор” (как говорит Гете, *опыт* есть всегда карикатура на *идею*). Так, благодаря научно-техническому прогрессу, шарикоподшипник по точности изготовления становится все ближе к своему идеальному образцу – геометрическому шару; и все же это приближение не может быть бесконечным: на каком-то этапе нашему стремлению к точности преградят дорогу законы термодинамики и квантовой физики. Между идеей и вещью обнаружится непреодолимая зона, границу которой определит новый интервал. То, что сближение вещи и идеи не бесконечно, а прерывается на конечном отрезке пути, позволяет избежать в мышлении различного рода парадоксов, связанных с понятием бесконечности.

Мысль, как и идея, в ней спрятанная, ни в какой точке своего течения не разверзается, не дробится на фрагменты, но она и не растягивается до бесконечности и не сливается с другими в одну непрерывную линию. Смысловой континуум состоит не из точек, а из интервалов. Познавательная стратегия интервального ума исходит из того, что мысль – это не игра в кости, где каждый бросок произволен, но это и не чистое конструирование и не погружение в хаос с целью добыть оттуда новые определения, скорее, это приоткрывание завесы трансцендентного на краю бездны. Потому-то мысль может быть рискованным предприятием: она может утомить дух в тот самый момент, когда он воспаряет к идее в ее ослепляющей обнаженности, предуготовив ему неизбежность попадания в темноту хаоса. Туда не доходит “естественный свет” разума, туда не доносятся голоса вещей, там не слышна музыка сфер, там нет места предустановленной гармонии.

В отличие от конструирующего ума, для которого важно *построить модель* и добиться, чтобы она “работала”, интервальный разум действует в режиме диалога, а не монолога. Он размышляет под знаком Консенсуса, ибо убежден, что окружающий мир устроен так, что в нем возможен консенсус – тонкий, гармоничный, красивый *компромисс*, основывающийся на самой структуре природного и человеческого бытия. Интервальный персонаж поэтому – не судья, не конструктор и не следователь, он, скорее, “миротворец”: здесь мысль всегда обращается к Разуму, но идет от Сердца, как своего истока и перводвигателя. Компромисс, к которому изначально склонен интервальный разум, это вовсе не *компромисс сговора*, страха или жестокой необходимости, напротив, – это компромисс доброй воли, мудрости, исходящей из определенного толкования бытия, из принципа предустановленной гармонии, из веры в то, что “замысел был чист”.

Интервальный субъект, впрочем, полагает, что свойственный ему стиль мышления как бы проистекает из существования естественного света Разума, а потому любая мысль, любой тип мышления “в идеале” должен быть интервальным, иначе невозможно адекватно постигать мир посредством рациональной мысли и в форме мысли. Но в этом-то как раз и заключается его наивность. Мыслители такого ранга, как Декарт, Гегель, или Хайдеггер, исходили из пресуппозиций совершенно другого рода, это не помешало им, пользуясь своими внутренними предпосылками мысли, изобрести свои концепты, создать свои грандиозные системы и начертать, как говорят Делез и Гаттари, свои “планы имманенции”. Но если бы интервальный персонаж перестал быть наивным, помыслил бы в таком духе, он бы уже не смог мыслить интервально. Потеряв веру в незыблемость своих предпосылок, он, возможно, стал бы мыслить как Соблазнитель. Последний любит строить завораживающие химеры мысли, воздушные замки, ледяные дворцы, завлекая в свои миражи и оставляя там свои жертвы. В результате жертве ничего не остается делать, как либо навсегда довольствоваться “неподлинным”, либо попытаться самостоятельно найти дорогу к Реальности.

В отличие от соблазнительной и соблазняющей философии, интервальность как *способ миропонимания* есть попытка быть серьезным, когда речь идет об *истине* – в эпоху скептицизма, релятивизма и переименования всех смыслов и ценностей культуры. Интервальный субъект, разумеется, понимает, что попытка “быть серьезным” не должна ассоциировать со скукой средневековых “диспутов”, с сухим формализмом Спинозизма или с монотонностью гегелевского восхождения к абсолютному разуму. Интерва-

льная философия видит смысл подлинного философствования в поисках способов предстояния человека “лицом к Бытию”, к “вещи в себе”, способов “заглядывания” за “горизонт событий”, выявления пространства встречи с тем, что еще не было помыслимо и определено и потому выглядит как абсурдность, как первобытный хаос, как бессмысленность неизречимого. Истина, которая является человеку в результате такого предстояния, есть *откровение* реальности, осознанное через акт озарения. Творческая мощь подлинного философствования, какие бы формы ни принимала мысль субъекта, – объективирующее созерцание, рефлексия “Я” или интерсубъективность коммуникации – все же связана с конечным звеном – с трансперцепцией, с трансцендирующим откровением, приближающим нас к встрече с абсолютным.

¹ Гегель Ф. Соч., М.-Л., 1930. - С. 85.

² Гегель Ф. Работы разных лет. - М.: Мысль, 1972. - С. 391-393.